

А.В. Разин

**ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
В СВЕТЕ ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
А.А. ЗИНОВЬЕВА**

В трудах А.А. Зиновьева сделаны очень глубокие выводы относительно законов устройства общества и перспектив его развития на современном этапе. Его выводы о возникновении сверхобществ коммунистического и западного типа, о влиянии этого процесса на человеческую историю, о последующем крахе коммунизма и доминантном развитии западнизма имеют принципиальное значение.

Переход к сверхобществу означает новую стадию общественного развития и новую ступень развития западной цивилизации. Этот процесс сопровождается вновь открывшимися возможностями в организации производства, в частности значительной интенсификацией производства материальных благ, но он же включает в себе определенные опасности, новые проявления социального неравенства, сворачивание демократического процесса. А.А. Зиновьев в частности отмечает, что демократические процедуры составляют лишь незначительную часть современной государственности. Решающую роль играет чиновничье-административный аппарат, система исполнительной власти, которая сама может быть дифференцирована по различным уровням. Эта власть, принадлежащая первым лицам государства, выросла за пределы функций традиционного государственного управления и приобрела новые задачи стратегического управления. Тем самым она фактически перестала быть исполнительной.

В современных государствах сложилась так называемая «кухня власти», в которой сконцентрированы интересы частных лиц, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей. Этот уровень возвышается над государством и без него фактически не обходится принятие важнейших политических решений. Сверхвласть проявила себя в сфере экономики в связи с развитием международных монополий и сращиванием государственного аппарата со структурами крупного бизнеса. «Сфера сверхгосударственности, — отмечает А.А. Зиновьев, — не содержит в себе ни крупинки демократической власти»¹.

Характеризуя экономику современных западных сверхобществ и западной цивилизации в целом, А.А. Зиновьев говорит следующее: «Произошло “вертикальное” структурирование эконо-

мики: над экономикой, создающей ценности, выросла экономика, использующая упомянутую (скажем, экономику первого уровня) в качестве источника дохода для занятых в ней (в экономике второго уровня) лиц»². Признавая значимость и важность данного положения, отметим в то же время, что это не могло произойти случайно, просто в силу злой воли каких-то лиц. Все это было вызвано объективными общественными законами, проявление которых, с нашей точки зрения, свидетельствует о несовершенстве и об экономической неэффективности (над чем многие даже не задумываются) существующего сейчас капиталистического сверхобщества. Критические замечания, высказываемые Зиновьевым в адрес этого общества, в этом смысле вполне уместны.

Но это не означает, что критика капитализма ведется Зиновьевым с традиционных позиций в смысле упреков в несправедливости этого общества, связанных с эксплуатацией одних другими, социальным неравенством, предельным развитием эгоистической мотивации в поведении людей. Наоборот, эгоистические мотивы в деятельности людей Зиновьев считает явлением нормальным, он формулирует это в виде законов экзистенциального эгоизма, нормальным он считает и социальную иерархию, отвечающую, с его точки зрения, любому обществу. В данной связи А.А. Зиновьев подмечает многие недостатки марксизма, справедливо упрекает его в утопизме, стремлении к отмене денег, государства, идеализации доброго начала в поведении людей и т.д. Подвергаются критике и положения марксизма, связанные с идеей о преобразующей роли рабочего класса, коммунизма как бесклассового общества, в котором будет изобилие благ и распределение по потребностям. Действительно, здесь можно задать много вопросов о том, какие вообще потребности имеются в виду: идет ли речь только о личном потреблении или о чем-то другом, например о личной заинтересованности человека во всех материальных условиях, необходимых для его творческого труда и для других способов самовыражения. Понятно, что ресурсы общества в этом отношении всегда будут ограничены.

А.А. Зиновьев вместе с тем отмечает и то огромное влияние, которое оказал марксизм на развитие всех общественных теорий XX в., в том числе признает значение марксистской диалектики для рассмотрения общественных явлений, признает, что ключ к правильному пониманию предмета дает исследование его развитых форм (это было основой марксистской методологии), признает значение объективных общественных законов, их проявление в виде тенденций, одни из которых могут исказить действие других и т.д. Он отмечает многие тенденции общественного развития, которые признавал и марксизм, в частности тенденцию усиления исполнительной власти, выход ее из под контроля законодательной власти.

Я собираюсь сейчас сравнить некоторые положения марксистской теории и положения самого Зиновьева не потому, что его несогласие с марксизмом имеет принципиальное значение, и не потому, что я собираюсь защищать марксизм, а потому, что некоторые напряжения, которые здесь возникают, будят мысль и позволяют сделать предположения о дальнейших перспективах общественного развития.

Выводы самого Зиновьева в этом отношении можно назвать пессимистичными: никакой альтернативы развитию человечества по западнистскому пути нет. Итогом этого пути будет образование глобального, единого человечества, которое, однако, возможно «не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, т.е. отношения социального, экономического и культурного неравенства»³.

А так ли это? Если исходить из того, что мир представляет собой сейчас, подобный вывод вполне оправдан, более того, он является закономерным логическим выводом из рассматриваемого объекта. Однако сам объект может претерпеть некоторые неожиданные (не укладывающиеся в границы логической социологии) изменения. В конце XIX — начале XX в., например, мало кто мог предположить лавинообразный крах колониальной системы капитализма. В Великобритании в это время разрабатывали конструкции самолетов, способных к дальним перелетам, и мало кто мог тогда задуматься над тем, что эта страна, стоящая во главе технического прогресса всего человечества, очень скоро перестанет быть супердержавой.

Анализируя тенденции современного развития, С. Хантингтон, признавая доминантное влияние Запада в современном мире, тем не менее предсказывает его упадок в будущем. Он считает, что так называемая «вестернизация», или культурное влияние Запада, оказывает воздействие на модернизацию, развитие промышленности, образования на первом этапе перехода от традиционного образа жизни к современному. Но далее та же самая модернизация, связанная уже с возрастанием промышленного и военного могущества развивающихся стран, в силу ряда факторов, наоборот, приводит к отчуждению от Запада. «... Во время ранних этапов изменений вестернизация поддерживает модернизацию. На более поздних этапах модернизация стимулирует возрождение местной культуры. Это происходит на двух уровнях. На социальном уровне модернизация усиливает экономическую, военную и политическую мощь общества в целом и заставляет людей этого общества поверить в свою культуру и утверждаться в культурном плане. На индивидуальном уровне

модернизация порождает ощущение отчужденности и распада, потому что разрывает традиционные связи и социальные отношения, что ведет к кризису идентичности, а решение этих проблем дает религия»⁴. Традиционные религиозные верования как нельзя лучше сочетаются с ценностями национальных культур, что в целом обеспечивает стремление к сохранению высшего культурного единства, которое Хантингтон и называет цивилизацией.

С точки зрения Хантингтона, ни о каком выравнивании культур в силу того что все они все больше и больше включают элементы жизни, построенные по модели жизни западных стран, в современном мире не может быть и речи. Цивилизации, наоборот, стремятся к сохранению своего единства и все более и более конфликтуют друг с другом. Что же касается распределения удельного веса влияния различных цивилизаций на мировое развитие, то он оказывается далеко не в пользу западных стран. Это подтверждается следующей статистикой: «Пик западного контроля над ресурсами пришелся на 1920-е гг. и с тех пор нерегулярно, но значительно снижается. В 2020-х гг., через сто лет после пика, Запад скорее всего будет контролировать около 24% мировой территории (вместо 49% во время пика), 10% населения мира (вместо 48%) и, пожалуй, около 15–20% мирового экономического продукта (во время пика — около 70%), возможно, 25% выпуска продукции обрабатывающей промышленности (на пике — 84%) и менее 10% от всеобщего количества военнослужащих (было 45%)»⁵.

В соответствующей логике рассуждения следует не бояться влияния Запада, а наоборот, его лелеять и о нем заботиться. Но в политике, конечно, не может быть подобных целей (во всяком случае, они не могут быть нравственно оправданы), ибо никто действительно не доказал приоритет западных ценностей над иными. Если этот приоритет очевиден для жителей самих западных стран, он может и не быть столь очевидным для представителей других цивилизаций.

И все же, на мой взгляд, нельзя не учитывать факт интеграции и сближения некоторых фундаментальных культурных ценностей современного человечества. К таким ценностям относятся: *признание* значимости научного знания (язык науки по своей сути интернационален вне зависимости от того, на каком именно национальном языке выражено то или иное научное открытие); *признание* ценности индивидуальной жизни, несмотря на все возможные ограничения этого положения со стороны традиционных ценностей, апеллирующих к силе рода, чести нации и т.д.; *признание* равноправия женщин и мужчин (современные феминистские движения могут стать существенным фактором, влияющим на культуры, в которых женщины традиционно рассматри-

вались как ущемленные в правах по сравнению с мужчинами); формируемая обществом массового потребления индустрия развлечений. С некоторыми различиями потребности людей в сфере развлечений принципиально одинаковы; *признание* всеми культурами событий мировой значимости, конкуренция между нациями за участие в этих событиях и возможные при этом приоритеты; *признание* ценности хотя бы каких-то форм участия населения в принятии политических решений; желание многих людей быть интернационально знаменитыми; *признание* значения международных правил осуществления операций в бизнесе; *признание* значения голоса человечества в решении международных конфликтов. Этот список можно было бы и продолжить. Но и сказанного уже достаточно для того, чтобы сделать вывод, что для интеграции культур есть основания. При этом одни культуры, конечно, могут быть привлекательными для других.

Современный нейтралистский либерализм, кстати говоря, как раз и исходит из того, что одна культура может воздействовать на другую лишь силой своего примера. Фактов заимствования одними культурами достижений других культур немало. Относится это и к западным обществам. Стоит вспомнить хотя бы влияние идей Востока на философию Шопенгауэра, Швейцера, Рериха и др.

Современные азиатские государства демонстрируют рост в связи с факторами, действующими на данном этапе развития. Это влияние государства, влияние национальной психологии, связанной в Китае с идеями конфуцианства, закрепляющего иерархию в организации политической жизни, поддерживающего доверие, основанное на почитании. Ф. Фукуяма даже использует термин «империя почитания» как возможный вариант прогноза развития азиатских государств.

Политическая власть в Азии основана на признании статуса групп и принадлежащих к ним личностей (личные достоинства оказываются на втором плане)⁶. В этом смысле демократия оказывается формальной. Соответственно, альтернативой современной либеральной демократии (с точки зрения Фукуямы, важнейшего достижения Запада в его развитии) может стать азиатская «империя почитания». «Империя почитания... может породить беспрецедентное процветание, но она означает и продленное детство для большинства граждан, а потому — неполное удовлетворение тимоса (вышей части души. — *А.Р.*)»⁷.

С моей точки зрения, нет никаких оснований для утверждения, что названные выше факторы, стимулирующие развитие азиатских государств, будут действовать исторически продолжительное время, что традиционные структуры и традиционная психология не будут разрушены.

Пассионарность и ее роль в истории, о которой говорил наш русский мыслитель Л.Н. Гумилев, действительно имеет место в

развитии наций. Но Гумилев не дает убедительного определения ее причин. Причины же таковы, что они могут быть определены как детство наций, неразвитость индивидуального самосознания, потребностей, рефлексивного мышления, некритически принимающего все традиционные ценности. Когда детство проходит, возникает индивидуализм, разочарование, дезориентация и как следствие — снижение традиционных стимулов экономической и политической активности. На их месте, конечно, появляются другие стимулы, но их реализация уже не связана с авторитетом каких-то сообществ, с патриотизмом, почитанием, т.е. то, что сейчас определяет рост азиатских государств, может в дальнейшем стать тормозом их развития, в связи с тем что новые ценности еще не сформированы, а старые будут подвергнуты сомнению.

Как отмечает Ф. Фукуяма, в либеральном обществе в конце истории «люди начинают сознавать, что их горизонт — всего лишь один из горизонтов, не твердая земля, а мираж, который исчезает, если подойти ближе, открывая за собой очередной горизонт. Вот почему современный человек есть *последний* человек: он изнурен историческим опытом и лишен иллюзии возможности прямого испытания ценностей»⁸.

Но то же может случиться и в азиатских государствах. Так же как и у любой другой нации, их пассионарность закономерно пойдет на убыль, поскольку люди начнут больше думать о себе, а не об обществе, начнут заботиться о материальных благах, о воспитании детей, об их качественном образовании. Процесс урбанизации неизбежно этому способствует, а он активно идет во всех азиатских обществах.

В современном мире есть и еще один мощный фактор интернационализации жизни всего человечества. Это развитие международных монополий. Если мировой рынок принципиально может существовать как сеть связанных интересами обмена, но принципиально независимых и даже ненавидящих друг друга единиц, то рынок, в который вовлечены международные монополии, в качестве такового существовать уже не может.

Признание факта влияния на процесс глобализации общества международного бизнеса также составляет одну из важных заслуг социологического анализа состояния современной стадии развития человечества, проведенного А.А. Зиновьевым.

Итак, для того чтобы утверждать, что мир все же развивается по пути западнизма, имеется так же много оснований, как и для того, чтобы утверждать, что он по этому пути не развивается.

Несомненно однако и то, что в мире есть сильный протест против подобного пути развития. Он вполне оправдан и связан как с причинами, осмысленными в терминах рыночной справедливости, так и с более глубокими причинами, связанными с

сомнениями в правильности западнистской ориентации в целом. Причины первого порядка связаны с недовольством неэквивалентным обменом ряда сырьевых ресурсов на товары промышленного производства (фактор, впрочем, уходящий в прошлое), с эксплуатацией дешевой рабочей силы в развивающихся странах со стороны развитых западных стран, финансовой зависимостью первых от вторых и т.д.

Причины второго порядка связаны с осмыслением дальнейших перспектив развития человечества в терминах сохранения природных ресурсов, обеспечения экологической чистоты производства, вообще с решением вопроса о разумности тех или иных видов потребления и интенсивности общественного развития в целом.

Чтобы проанализировать эту группу причин, зададим вопрос о том, является ли капитализм совершенным общественным строем с точки зрения такой общественной организации, которую мог бы предложить теоретик общества, если бы он был его творцом (видоизмененная методология Канта)? Думаю, что ответ был бы однозначно отрицательным. Зиновьев показал это на примере анализа коммунистического сверхобщества.

Однако понятно, что общественная реальность не создается теоретиками. Она создается историческим творчеством масс, которыми манипулируют группы людей, прикрывающиеся в своей манипуляции определенными идеями (идеологией). Это тоже есть в работах Зиновьева.

Но ведь то же самое по большому счету содержится и в учении Маркса.

Почему Маркс избрал пролетариат в качестве революционной силы, способной изменить существующее общество? Потому что он прекрасно понимал, что капитализм как социальная организация не имеет пределов для своего исторического развития. Другое дело теоретические пределы, связанные с тем, что на каком-то этапе он перестает быть оптимальной социальной организацией с точки зрения темпов общественного прогресса и условий разрешения фундаментальных общественных противоречий (в частности, противоречия общества и природы).

Каковы эти пределы? Маркс формулирует их в «Капитале» следующим образом:

«Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) в том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов;

2) в том, что расширение или сокращение производства определяются не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду вообще, или, выражаясь языком капиталиста, определяются прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно, известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко не достаточной. Оно останавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требуют производство и реализация прибыли»⁹.

Сказанное означает, что темпы научно-технического прогресса могли бы быть быстрее, если бы общество имело иную социальную организацию. Применение машин, включая автоматизированные системы, отвечающие современному производству, могло бы иметь бóльшую степень развития. Но самое главное, мог бы быть не просто большим, но качественно иным характер приращения научного знания. На этом я остановлюсь подробнее несколько позднее.

Здесь важно также привести еще одно, имеющее отношение к современности положение Маркса: «Если бы капиталообразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и постольку можно производить с прибылью»¹⁰. Но ведь очевидно, что монополия позволяет получать высокую норму прибыли и без постоянной радикальной модернизации производства, и без улучшения качества товаров. Конечно, в современном обществе нет всеобщей монополии на определенные виды продукции, да и смена товарного ряда не составляет труда для современных капиталистических предприятий. Но здесь проявляет себя другая опасность монополистического воздействия. Это втягивание потребителя в постоянное ненужное для него потребление, вынуждение его к постоянной смене того, чем он пользуется. Работа компании «Майкрософт» прекрасно это подтверждает. Постоянно выпускаются программы, требующие более мощных компьютеров, причем производятся они в таком пакете услуг, который просто не позволяет потребителю работать на старом оборудовании.

Если с точки зрения отмеченного выше посмотреть на современное производство, можно сказать, что названные Марксом пределы себя уже в полной мере проявили.

Начнем с инфляции, постоянно сопровождающей процесс современного производства. В чем ее экономический смысл? Инфляционные процессы вызваны отложенным спросом. Отложенный спрос — это деньги, временно (но иногда на достаточно длительный период) изъяты из обращения. Они накапливаются с целью приобретения дорогих вещей и, самое главное, субсидируются на научные исследования, результаты которых могут вернуться в производство не сразу. Этот дефицит покрывается банковским кредитом, причем кредит, если речь идет о государственных субсидиях, часто не является обеспеченным материальными ценностями (потому существуют дефицитные бюджеты, а это и ведет к инфляции). Но кредиты чаще всего выдаются не безвозмездно, и на этом и паразитирует та сфера, которую Зиновьев называет экономикой второго уровня.

Свидетельствует ли это об оптимальности устройства капиталистического общества? Нисколько. Наоборот, это свидетельствует о том, что меновая стоимость уже не может регулировать пропорции капиталистического воспроизводства так, как она это делала при классическом капиталистическом цикле воспроизводства, когда перелив капитала из одной отрасли в другую (туда, где больше рентабельность) обеспечивал удовлетворение необходимых общественных потребностей, и в результате этого в целом срабатывал принцип: равная прибыль на равный капитал.

На этот принципиальный момент Маркс обращает внимание тогда, когда говорит, что при рыночном хозяйстве общественный характер товара дан как бы после производства, тогда, когда он поступает на продажу и обменивается на другие товары. При общественной собственности товару должен быть придан общественный характер до производства, т.е. обществу заранее должно быть известно, что и для чего ему нужно. Это, кстати говоря, совсем не означает, что деньги должны быть ликвидированы. Они вполне могут сохраниться как единицы изменения общественной ценности предметов потребления (в таком значении их и определяет А.А. Зиновьев), но они теряют свое значение в виде меновой стоимости, в виде средства стихийной регуляции пропорций общественного воспроизводства.

Если теперь посмотреть на современный рынок, можно легко увидеть, что в нем уже выработаны механизмы, позволяющие прогнозировать спрос и тем самым придать товару общественный характер еще до процесса производства. Платой за это в условиях современного рыночного хозяйства, однако, оказывается огромная, паразитирующая на всей системе производства финансовая пирамида.

Далее рассмотрим, как продукты наукоемкого производства возвращаются в цикл капиталистического производства, вливаясь

в состав основного капитала. Теперь они могут произвести целую революцию в системе производства и соответственно сбой в финансовой системе.

Дело в том, что внедрение в производство некоторого научного открытия приводит к удешевлению стоимости продукции сразу во всей отрасли. Время же, потраченное на производство данного открытия, не может быть непосредственно соотнесено с теми временными (пока другие также не усовершенствуют свои технологии) преимуществами, которые для отдельного производителя может дать его практическое применение. Здесь каждый предприниматель действует на свой страх и риск, причем преимущественно ориентируясь на быструю отдачу, т.е. на краткосрочные научные проекты в ущерб фундаментальным исследованиям. Более того, вся система производства, экономики современного общества, как известно, является достаточно консервативной, инерционной в том смысле, что и технологии, и материалы, применяемые в одних отраслях, зависят и от технологий, и от материалов, применяемых в других. Перестроить такую систему в каком-то глобальном революционном смысле, конечно, не под силу ни отдельному предпринимателю, ни международной монополии. Это могло бы сделать государство, представляющее интересы всего общества как общества людей, поставленных в одинаковое отношение к их совместной собственности. Но такого государства нет.

Маркс предвидел противоречие, связанное с превращением труда человека в научную деятельность. Он называл такой труд всеобщим, противопоставляя его конкретному труду, т.е. труду рабочего, который в классической марксистской теории и создает прибавочную стоимость.

Всеобщий труд — это именно такой труд, результаты которого не могут быть адекватно оценены на основе меновой стоимости¹¹. Поэтому может показаться, что производство, в котором овеществленный труд играет весьма большую роль по сравнению с трудом живым, действительно нельзя осуществлять на основе производственного распределения, регулируемого меновой стоимостью. Практика показывает, что в действительности этому правилу мало кто следует.

Один из примеров неэффективности современного производства может дать современная система организации науки. Она в большей мере ориентирована на прикладные вопросы и на такое приращение знания, которое можно было бы назвать количественным. Этому способствует та доминирующая роль, которую в планировании и стимулировании научных исследований играет система грантов. При всех положительных моментах она включает в себе опасность, порожденную тем, что никакой ученый не

способен точно предположить, когда он сделает некоторое фундаментальное открытие в интересующей его области. Соответственно он не может заявить это как достижимый результат при оформлении заявки на грант. В итоге в грантах получают поддержку такие исследования, методика проведения которых уже разработана и которые по этой причине совершенно новыми исследованиями уже не являются. Это, несомненно, сдерживает развитие фундаментального знания в современном обществе.

Радикальное изменение общества, вызванное процессами автоматизации и развитием новых информационных технологий, порождает три связанных проблемы.

Первая проблема — это проблема определения критерия для оценки эффективности научных разработок и для решения о необходимости их применения в системе общественного производства.

Вторая проблема касается выбора эффективных стимулов индивидуального труда в новых условиях, когда сам труд приобретает всеобщий интеллектуальный характер.

Третья проблема связана с определением общей юридической и моральной ответственности в условиях всеобщего труда. Очевидно, что последствия неправильных решений в процессе всеобщего труда гораздо более опасны, чем ошибки конкретного труда.

Маркс решил эти проблемы путем их упрощения. Фактически он предполагал, что в условиях общественной собственности каждый будет работать на благо общества исходя из того, что труд превратится в первую жизненную потребность, а любая новая научная идея рано или поздно принесет пользу общественной производительности. Этот идеал отражается в его идее о новом типе социальной связи как свободном общении гармонически развитых индивидов. Она сменяет отношения вещной зависимости, отвечающие капиталистическому способу производства. Стремление к преодолению в социальной жизни отчуждения, порождаемого общением через посредство вещей, конечно, выглядит привлекательно. Однако проблема стимулов труда, отвечающих новому типу социальной связи, определения форм ответственности за результаты труда осталась совершенно не разработанной. В результате предполагаемое Марксом свободное общение индивидов приобрело абстрактные черты. Свобода оказалась необходимой потому, что не было найдено никакого реального критерия для оценки эффективности всеобщего труда. Что же касается необходимой ответственности, то предполагалось, что она полностью может быть обеспечена одной моралью.

В целом можно отметить, что мораль имеет огромное значение в условиях всеобщего труда из-за невозможности его прямого внешнего контроля. Внешний контроль, несомненно, во многом

не может быть применен в условиях современного производства. В России это было очевидно продемонстрировано, когда полной неудачей закончилось введение государственного контроля за качеством продукции во время горбачевской перестройки (так называемая «государственная приемка»). Контрольные операции потребовали такого количества людей, освобожденных от непосредственных производственных функций, и такой затраты времени, что все это оказалось невозможным. Условия всеобщего труда порождают ситуацию, в которой при попытке внешнего контроля любой контролер должен, во-первых, иметь такую же квалификацию, как и реальный производитель, а во-вторых, затратить принципиально такое же время, как и человек, подвергающийся контролю. Таким образом, это ситуация, в которой на каждого отдельного производителя необходимо иметь отдельного контролера, что делает внешний контроль невозможным.

По этой причине значение моральных факторов труда необычайно возрастает. Но для реального увеличения производительности труда одной морали недостаточно. Без объединения моральных мотивов с другими видами социальной мотивации сама мораль вполне может быть понята в виде одного ограничения, предстать просто как желание не делать вреда другим, не использовать их как средство, что в действительности не содержит позитивной мотивации. Одного творческого вдохновения также недостаточно для стимуляции труда, так как сам творческий процесс содержит большое количество рутинных операций, что снижает интерес к творческой работе. Необходимо поэтому также иметь и обычные материальные стимулы.

Общество пока решает названные проблемы скорее эмпирически, чем пользуясь какой-то разработанной научной концепцией. Но возникновение такой концепции в будущем представляется неизбежным. В ее основу, как мне кажется, мог бы быть положен принцип дополнительности. В соответствии с ним соотношение рыночных и плановых начал должно быть организовано так, чтобы они могли существовать, не ограничивая друг друга, чтобы прогресс, обеспечиваемый на базе одних стимулов труда, не ограничивал другие. Например, можно предположить проведение планового начала через сеть мощных инновационных фирм, работающих под контролем государства и предлагающих на рынок труда и капитала новые идеи как обычный коммерческий продукт, иногда обеспечиваемый льготным кредитом, но никогда не внедряемый за счет прямых государственных инвестиций. Это, думается, позволило бы расширить скорости развития наукоемких технологий и в то же время сдерживало бы инфляционные процессы, связанные с вкладыванием денег в проекты, не обещающие быстрый практический эффект.

Теперь перейдем от абстрактного вопроса о возможных моделях совершенного общества (общества, которое могло бы быть разработано моральным и компетентным в экономическом смысле теоретиком) к обществу реальному. Оно, разумеется, не таково. Оно вообще построено не на базе какой-то научной теории, а является результатом длительного естественно-исторического развития, итогом движения человечества от первичной формации, в которой социальные отношения прячутся за личные связи, к формации вторичной, в которой господствуют безличные вещные отношения. Эти отношения, однако, имеют своих носителей, заинтересованность которых в воспроизводстве отмеченных «вещных связей» различна. По мере того как разрастаются государственные структуры, по мере того как сокращается демократический процесс и растет чиновничье-административный аппарат государства, казалось бы, отвергнутые историей личные связи возвращаются на историческую арену опять. Но, конечно, уже в другом варианте, в виде личных контактов политиков, бизнесменов, военачальников, директоров спецслужб, высокооплачиваемых работников прессы, лоббистов, составляющих элиту современного западного общества.

Эта элита живет по двойным стандартам. Она фактически уже интернациональна, т.е. она стоит выше национального, но отнюдь не ради того, чтобы сделать все нации равными. Напротив, ее цель — сохранить социальное неравенство на уровне сложившегося международного разделения труда.

Образом жизни элиты и тех слоев, которые хоть в какой-то степени к ней приближены, становится потребительское отношение к миру, к тому, что можно назвать высшими культурными ценностями. Характеризуя различие установок человека модерна и постмодерна, Збигнев Бауман сравнивает первого с паломником, а второго — с туристом. Паломник имеет цель своего путешествия, а для туриста поездки на разные континенты — не более, чем простое любопытство¹². Для элиты знакомство с чужой культурой зачастую получает значение в системе вульгарного потребления духовных ценностей, а не возможного развития, обогащения собственной культуры в результате влияния этих ценностей.

Усредненная масса находится на уровне массовой культуры, частью которой в современном мире является приверженность национальной идее. Национальная идея прекрасно сочетается с философией постмодернизма, в которой приоритет отдается плюральности, разукрупнению, множественности ценностей. Несомненно, здесь отражены многие реальные черты жизни современного мира. Однако по большому счету эта философия выступает маскировкой тех реальных тенденций глобализации, которые в

современном мире развиваются, которые имеют отнюдь не плюральный вид, а представляют собой продуманную целевую программу.

Итак, глобальные тенденции развития в современном мире показывают, что человечество не просто идет по западному пути, предполагающему промышленное развитие стран, социальную организацию западного типа, оно идет по пути западнизма, который предполагает неравенство в развитии стран, неэквивалентный обмен и замаскированную эксплуатацию одних другими. Что может быть противовесом этих тенденций?

Одна из возможностей частичной блокировки указанного пути развития лежит в пределах функционирования экономики, основанной на экспорте капитала. Дело в том, что это так или иначе приводит к развитию промышленности тех стран, в которые осуществляется экспорт капитала, а следовательно, и к развитию их независимости. На каком-то этапе независимость может развиться настолько, что встанет вопрос о присвоении собственности, принадлежащей иностранным инвесторам. Для этого даже не нужно каких-то революций. Во многих случаях достаточно просто законодательно ввести жесткие ограничения, направленные на охрану окружающей среды. Тогда производить (по дорогой цене) в странах третьего мира то, что было туда экспортировано ради более дешевого производства, станет невыгодно. Тот же эффект могут вызвать меры, направленные на социальную защиту населения. Но понятно, что странам, осуществлявшим экспорт капитала, не удастся вывезти назад всю свою собственность, ведь нельзя вывезти объекты инфраструктуры, во многих случаях демонтировать оборудование бывает дороже, чем его бросить, кроме того, для этого нужны деньги, которых у инвестора в данный момент может не быть, на дорогах может быть организован саботаж и т.д. Короче, при названных условиях львиная доля западной собственности останется в тех странах, где реально осуществляется производство.

Ясно, что западный мир во главе с США учитывает подобный сценарий. Поэтому принимаются меры, связанные с постоянной демонстрацией миру своей силы. Думается, что для этого сейчас обсуждаются планы строительства радиолокационной станции в Чехии, для этого во время войны США в Ираке постоянно показывалось, как успешно работают противоракетные комплексы, сбившие большинство ракет, выпущенных по Израилю, и т.д. С точки зрения международной политики США, мир должен знать, что сопротивление бесполезно, — и жить с этим сознанием. В этом же ключе может быть рассмотрена политика нераспространения ядерного оружия. В принципе она выглядела бы морально только в том случае, если бы страны, таким

оружием обладающие, приняли бы соглашение о последовательном поэтапном ядерном разоружении и реально выполняли бы это соглашение. В настоящем же варианте эта политика направлена против тех стран, которые хотят за счет обладания ядерным оружием обрести самостоятельность в своем международном статусе. Не думаю, что США действительно боятся, что Северная Корея или Иран нападут на них. Просто это нарушит существующий в мире статус-кво и усложнит внешнюю политику американцев, ведь Билл Клинтон откровенно сказал, выступая в Московском университете во время своего визита в Россию, что «это работа президента США — следить за порядком в мире».

Другая линия развития, способная повлиять на обозначенную выше тенденцию становления глобальной цивилизации под контролем западного мира, может быть связана с некоторым системным кризисом, способным поразить все человеческое общество. Таким кризисом может стать экологическая катастрофа в виде последствий глобального потепления (по некоторым прогнозам — новый ледниковый период), неподвластная современной медицине эпидемия смертельной болезни или же просто кризис, связанный с острой нехваткой ресурсов.

То, что такой кризис приближается, фактически уже очевидно. Дальнейший сценарий может быть примерно таким: противостояние тех, кто обладает ресурсами, и тех, кто ими не обладает, будет усиливаться. Вторые могут противопоставить первым транзит. Транзитные войны в мире уже начались. Следующим шагом будут войны информационные. Западные страны противопоставят восточным держателям природных ресурсов козырь, связанный с ограничением доступа к информационным каналам. Решающую роль здесь сыграет Интернет и доступ к информации, которая через него распространяется.

Будет также более жесткое ограничение на доступ к знаниям, получаемым в фундаментальных науках. Вот почему для каждой страны и особенно для России так важно вести собственные научные исследования и развивать собственные технологии в машиностроении, не рассчитывая на то, что всегда можно будет просто купить или бесплатно получить то, что произведено другими.

В случае, если кризис будет разрастаться, мир со временем придет к необходимости трансформации существующей системы производства во имя справедливого распределения всех ресурсов и обеспечения реализации потенциала всех участников производства в полном объеме их интеллектуальных способностей. В конечном счете это окажется выгодно для всех, кроме, конечно, тех, кто наживается на финансовых пирамидах и живет за счет нерациональной организации производства, за счет наличия в

мире бюрократических структур, присутствующих как в политике, так и в бизнесе.

Надо сказать, что уже сейчас выдающиеся мыслители самих западных стран понимают односторонность пути развития современного человечества и предлагают конкретные пути его коррекции. Здесь можно упомянуть Г. Йонаса, сформулировавшего ряд нравственных императивов, необходимых для обеспечения должной степени коллективной ответственности человечества перед будущим. Среди них — ограничение стратегии массового потребления, экономия ресурсов во имя жизни будущих поколений. Один из лидеров современного гуманистического движения П. Курци предлагает ввести для всех бизнес-структур в развитых странах так называемую «интернациональную таксу». Отчисления, полученные с помощью такого налогообложения, могли бы идти на устранение тех перекосов, которые наблюдаются в развитии современного человечества. Но для этого нужна добрая воля граждан самих развитых стран, по существу, нужно изменение того стратегического курса, который продолжается в глобальной политике Запада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М., 2002. С. 236.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 257.

⁴ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2006. С. 106.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2007. С. 362.

⁷ Там же. С. 370.

⁸ Там же. С. 459.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. С. 283—284.

¹⁰ Там же. С. 284.

¹¹ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 214.

¹² См.: *Бауман З.* От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.